

СТРУКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ *ВЗВИХРЕННОЙ РУСИ*

Hélène Sinany-MacLeod

Поскольку на искусство существует в наше время два основных взгляда (искусство, как отображение реального и искусство, как конструкция), то законен вопрос: куда отнести Ремизова? На эту тему у нас намечался спор: Ремизов — реалист, или Ремизов — авангардист? Мне кажется, что для Ремизова вопрос стоит немного иначе — главное для него экспрессивность¹, и ради нее он сочетает эти два подхода в своем творчестве, впрочем не только литературном, но и графическом. Отображение реального сочетается с орнаментом, с самобытной конструкцией. Это сочетание происходит, разумеется, в первую очередь на уровне композиции, что можно хорошо проследить на примере *Взвихренной Руси*.

Первая композиционная черта — хронологичность книги. На этой первой, как бы горизонтальной оси, чисто линейное повествование соблюдает строгую, почти иконическую хронологическую последовательность. Эта строгость может не сразу быть осознана читателем, так как Ремизов выявляет ее косвенно: очень редки упоминания года, да и число или месяц обозначены не часто². В большинстве случаев дата либо обозначена церковным праздником³, либо вытекает для читателя из упоминания события, легко датируемого⁴. Причем даты играют определенную роль: их накопление создает напряженность, тревожное ожидание событий⁵. Но время, если идет однолинейно, течет не равномерно: оно то насыщено событиями и идет стремительно, то течет плавнее, и тогда очень мало дат, или они вовсе отсутствуют⁶, как напр. в главе «В деревне», где создается впечатление распределенности, бездумного порядка жизни, или в главе «Окнища»⁷, где повествование ведется в безвремяе. Ясно, что накопление или отсутствие дат способствует созданию ритма повествования на временной оси. Этому же способствует в «медленных» главах употребление настоящего времени повторного склонения. «Я встаю в 9 часов: курю, записываю сны и прибираюсь / . . . / Так все дни» (стр. 102-103). Или (о посещениях назойливого соседа): «Он приходит ко мне всякий вечер / . . . / И вот, как вечер, ему не сидится и он, не выходя на улицу, ходит по знакомым. И я его жду всякий вечер с

ожесточением» (353-354). Таких комментариев в «стремительных» главах нет. Там настоящее время (грамматическое) не имеет повторного смысла, это «повествовательное настоящее», способствующее вовлечению читателя в рассказ, и соответствующее повествованию по горячим следам событий, когда все очень живо и свежо.

Вовлечению читателя в самый водоворот событий способствует и манера повествования: вместо единой четкой точки зрения — зыбкость, передается то душевный подъем («взвив» по-ремизовски), то негодование (часто в гротескном ключе)⁸; рассказ пестрит оговорками, в него, как в мозаику, вкраплены обрывки слышанных разговоров⁹, случаи из газет¹⁰, необработанные документы.¹¹ Очень характерны также для этой манеры срывы в тоне и уровне.¹² Это манера, напоминающая Достоевского, с нарочитыми срывами, оговорками, подчас сбивчивым рассказом, где многое остается недосказанным, где на долю читателя выпадает до-понять рассказанное, то-есть ему предлагается нечто вроде загадки, что его тоже вовлекает в повествование. Ведь Ремизов пишет не очерк о революционном периоде, никак не собирается давать синтез, а наоборот передает бахтинское «разноречие»¹³ — поэтому-то в частности мало упоминаний исторических событий, да и когда они есть, то служат больше поддерживанию хронологической оси. Ремизов прямо говорит о первенстве быта, а не исторических событий: «Эта новость /о покупке железнодорожных билетов/, куда важнее, чем Государственное совещание и выступление Корнилова /.../».¹⁴ И так, во всем, что относится к хронологической оси, создается облик рассказчика, для которого декреты только «бедовые», рассказчика, поглощенного бытом, житейскими потребностями, — но и осознающего это: «День кончился — сутолока и бестолковщина! /.../ день, кружащийся между службой, стоянием в очередях, ожиданием и жалким обедом. А когда-то я не думал о насыщении»¹⁵. Загрязая в житейском, писатель больно это осознает, и от быта налаженного, не голодного (то-есть от подчинения житейским потребностям) — отказывается. Пожив в деревне, где хлеба вдоволь, замечает он: «Но я не могу долго жить в деревне. Этот черед жизни: едят, растут, женятся /.../ Нет, не могу я по 'естественным законам'» (268). Что «естественные законы» здесь перефразировка «законов природы», ненавистных подпольному человеку Достоевского, подтверждается тем, что вся *Взвихренная Русь* пронизана темами из *Записок*. С *Записками из подполья* перекликается в частности один из лейтмотивов *Взвихренной Руси*, «Революция или чай пить?»¹⁶. Перефразируя ключевые цитаты из *Записок*, Ремизов указывает на то, что, как и под-

польный человек, он восстает против детерминизма, против чистой социологии быта,¹⁷ не желает быть «бедной счастливой палочкой», крутящейся в водовороте событий (68).

Поэтому в *Взвихренной Руси* наряду с первой отмеченной нами композиционной осью — хронологической —, существует и вторая, как бы по вертикали. К этой оси относится в первую очередь «сонная жизнь» Ремизова,¹⁸ включение которой играет в книге двойственную роль. С одной стороны сон — выражение самого интимного, делиться снами с читателем — это вводит его в круг самый тесный, самый «свой»,¹⁹ то-есть также как и повествование по горячим следам, сокращающее дистанцию между повествователем и читателем. С другой, сон — свободная стихия, где «нет ни прошедшего, ни будущего — время крутится волчком».²⁰ Не случайно в главе «Окнища», где писатель кажется полностью загрязшим в житейском, — отсутствуют сны.²¹ Во сне человек освобождается от линейного времени, прошедшее и настоящее равнозначны и свободно переплетаются в сознании: это выражается в *Взвихренной Руси* не только в снах,²² но и переливается из сна в явь, как из прошедшего в настоящее.²³ На нашей вертикальной оси прошедшее — не только личное прошлое повествователя, но через него и всей русской земли — живет такой же реальной жизнью, как и настоящее. В отличие от «бедных счастливых палочек», повествователь обладает памятью.²⁴ Поэтому не удивительно включение в книгу ремизовской отделки бумаг эпохи Петра Великого и Анны Иоанновны о стройках и садах вокруг Петербурга, где метафора ломки-стройки и молодой поросли вполне прозрачна. Не удивительно также присутствие на нашей вертикальной оси элементов, почерпнутых из сказок, из народной поэзии, из преданий, из средневековья,²⁵ а также из русской литературы.²⁶

Желанию выявить в «грозных грозных годах» революции невременное, неподвластное времени, отвечают также два текста, расположенные симметрично в самом центре книги: первый из них, «О судьбе огненной — от слов Гераклита Ефесского», дает в торжественной, величавой поэме обширное видение судьбы не только человека, но и вселенной. Ссылкой на Гераклита Ремизов уводит читателя в историософию, на место забитого рассказчика, загрязняющего в повседневном, приходит мыслитель. Этому облику повествователя-мыслителя отвечает как в зеркале второй облик, возникающий из полушуточного отчета (с игрой слов на «Гороховую канцелярию») об аресте Ремизова — образ Асыки царя обезьяньего. Пользуясь тем, что арестованы вместе с Ремизовым были кавалеры, «епископ» и «князь» Обезьяньей

Великой и Вольной Палаты²⁷, писатель обрамляет рассказ об аресте «конституцией» Обезвельволпала, манифестом Асыки и донесением князю обезьяньему Щеголеву с одной стороны, а с другой — симметрической вереницей трех «обезьяних листков». И если с Гераклитом возникал образ человека мыслящего, то с Асыкой возникает образ человека вольного и страждущего. Так что в самой сердцевине книги перекликаются в структуре «en abyme», как говорили французские риторы, — сознание и страдание. От самого интимного — сна — Ремизов на нашей вертикальной оси ведет читателя к самому общечеловеческому.

Стало быть вразрез с нашей первой «горизонтальной» осью, где в плоской хронологии, без перспективы, читатель подвергается мельтешению впечатлений, идет вертикальная ось, на которой художественно отстаиваются те качества, которые для Ремизова присущны человеку, неподвластному времени: память, сознание и страдание.

При такой структуре по двум осям возникает существенный художественный риск: риск неслитности, слишком слабой связи между разными частями произведения. А между тем в *Взвихренной Руси* наоборот все «крепко сшито», и несмотря на резкие срывы и взлеты, на разноголосицу, — единство книги осязаемо. И тут дело не столько в единстве темы «грозных грозных годов» (403), сколько в приеме ремизовской поэтики, благодаря которому вся книга — как крепкий сплав: речь идет о сетях мотивов, которые проходят по всей книге²⁸. Эти мотивы — сравнения и метафоры (in praesentia et in absentia) в свою очередь вступают в сеть с другими. Ограничусь лишь главными. Один из мотивов организован вокруг морфемы «зверь». Тема *озверения* людей (т.е. сравнение, метафора in praesentia) примыкает с одной стороны к теме зверей как таковых, — с другой же к теме морального распада. Реализуется эта тема следующим образом: сначала появляется озверение.²⁹ Но уже в главе «Москва» появляются звери как таковые.³⁰ Затем идет обратное сравнение, не человека с животным, а наоборот: «Видел я издыхающую собаку: она сидела под забором как-то по-человечески и в окровавленных губах жевала щепку» (271). Теперь можно уже перейти к «словесным зверям»: «лошадь из пчелы» (274), «Заяц на пеньке» (302), и конечно к верноподданным Асыки — обезьянам. И как венец, о «желанности души»: «я видел ее даже и в таком, зверем что в человеке зовется, и от чего сами звери открещиваются» (454), — парадоксальная игра понятиями «человек» и «зверь»³¹. К озверению и моральному распаду примыкает мотив разъединенности людей, отчуждения³² и молчания³³. Этот мотив в свою очередь связан

с одной стороны с темой недоразумения и подмены³⁴, а с другой с мотивом пустыни, затвора³⁵ — и исхода³⁶. Как мы видим, эти мотивы, проходящие через всю книгу и примыкающие друг к другу, составляют сеть, которая при беглом чтении может и не замечаться, так как реализации мотивов, которую мы проследили на примере «озверения», замаскирована. Это тот скрытый поэтический прием где, как говорил Набоков, «слова контрабандой проносят нужный смысл». Но кроме этой смысловой функции, наша сеть мотивов также способствует единству книги.

Этому же способствуют три мотива, где употребляются не сравнения (метафоры in praesentia), а чистые метафоры (in absentia), где нет перехода от предметного к отвлеченному, где наличествует только субъективный член сравнения, и метафора играет свою собственно-поэтическую роль. Это мотивы звезд³⁷, грозы³⁸ и огня³⁹, и колоколов⁴⁰. Каждый из них реализуется и в повествовательных частях, в виде реальных звезд, гроз, колоколов, и в лирических пьесах. О значении для Ремизова этих трех мотивов он нам сам подсказывает: гроза и пожар — метафора революции⁴¹; колокола отсылают к допетровской, московской Руси, отошедшей в прошлое. Метафора звезд в самой *Взвихренной Руси* не раскрывается, но ее значения выявляются в тексте «О человеке, звездах и свинье»⁴², написанном в 1919 г., где тематика очень близка *Взвихренной Руси*: «Есть отдых для человека, трудный, свинье непонятный . . . И этот отдых есть звезды. А эти звезды — создание духа человеческого — есть искусство . . . Смотреть и видеть — слушать и слышать — видеть звезды, слышать музыку — это большое счастье».

Мы постарались показать, что композиционно *Взвихренная Русь* расположена по двум осям, а связующей служит сеть сравнений и метафор, оплетающая всю книгу. Причем многие стилистические и композиционные приемы направлены на вовлечение читателя в повествование, так как Ремизов стремится как можно непосредственнее «передать свои чувства». Две оси, по которым расположена книга, выявляют авторский подход ко времени: сочетание повествования на коротком приводе⁴³ с частыми ссылками на прошлое России, живущее в сознании благодаря дару памяти, создает как бы результативный облик России, где прошлое никак не отрезано от настоящего, не «аористично», а наоборот «перфект», то есть прошлое, тесно вплетенное в настоящее, и — «неугасимые огни горят над Россией!»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В письме к Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло от 19 июня 1922 (хранится в частном собрании), отделываю часть «Медовый месяц», Ремизов пишет: «... и конечно все сосредоточение мое: объяснить свои чувства...». За год до смерти он запишет в дневнике: «Моя исповедь так определяется — из желания передать свои чувства» (Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959, стр. 299).
2. Эти упоминания вскользь выполняют экспрессивную функцию: либо непосредственно, либо через усилие памяти читатель восполняет недоговоренное, чем принимает участие в рассказанном — создается сообщество читателя с писателем.
3. Приводить все нужные цитаты невозможно. Во всех цитатах, вынесенных в примечания, я ограничиваюсь лишь несколькими примерами. Примеры датировки церковным праздником: «Дождик холодный, не ильинский» (16/9); «Сегодня Ивана постного — пляс Иродиады» (31/8); «Вербное», и т.д.
4. Убийство Мирбаха, восстание левых эсеров, Кронштадтское восстание, смерть Блока...
5. Напр. в первой части («Весна-красна»), где развертывание событий до февральской революции сопровождается множеством датировок, или в конце книги («Перед шапошным разбором»), где события 20-ого и 21-ого гг., также отмеченные дата за датой, завершаются отъездом Ремизовых из России.
6. Ср. в первых двух главах («Весна-красна» и «Медовый месяц») на 90 страницах 17 упоминаний дат, а в следующей («В деревне») на 60 страницах одно единственное.
7. На протяжении 60 стр. всего три упоминания даты.
8. См. напр. тираду о порядке, стр. 71-72.
9. См. напр. стр. 203-204.
10. См. напр. стр. 106, 128, 194-195, 227.
11. Напр. стр. 54-55, 196-197, 352-353.
12. См. напр. на стр. 305 от «Утром пошла вода...» до «... Вернулся домой, — а вода прекратилась», где от сугубо житейского рассказчик переходит к лирическому, чтобы во внезапном срыве снова «шлепнуться» в житейское.
13. М. Бахтин, «Слово в романе», *Вопросы литературы и эстетики*, Москва, «Художественная литература», 1975, *passim*.
14. Стр. 189. Ср. на стр. 404: «Телефон к счастью действовал после долгого безмолвия — обыкновенно же при всяких наступлениях (Колчак, Деникин, Юденич) или угрозах наступления, телефоны выключались (...).»
15. Стр. 269, в главе «Четвертый круг» (т.е. дантовские стяжатели и моты, люди, отдавшие себя целиком материальному миру).
16. Напомним у Достоевского «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (Записки из подполья, Собр. Соч., Москва, 1956-58, т. 4-ый, стр. 237). В уже цитированном письме к Серафиме Павловне (см. прим. 1) Ремизов пишет, что часть книги, получившую впоследствии название «Медовый месяц», «хотел /назвать/: Революция или чай пить?» Тема эта, под тем или иным видом («чай», «пить чай», «самовар», ...) особенно обильно представлена в указанной части «Медовый месяц», но распространяется и на остальные (см. стр. 175 и 177, 207, 377, ...).
17. И свое прошлое социал-демократа упоминает только в шуточном ключе, как отошедшее (см. в части «Москва», где знакомые и родня величают его «коммунистом»).
18. В книге 75 снов.
19. Ту же функцию выполняет и постоянное упоминание более или менее известных людей ремизовского круга.
20. *Мартын Задека. Сонник*. Париж, «Оплешник», 1954, стр. 10.
21. Ремизов сам обращает на это наше внимание: «Сны мне больше не снятся» (стр. 309). В следующей главе: «Новый год начался сном. В первый раз за столько месяцев»

- (стр. 376). Но и сон этот — бытовой. Только гораздо позже (стр. 465) писатель облегченно заметит: «Я начал писать и опять мне сны снятся».
22. «Какая-то женщина обирает билетки: по билетку что хочу, то и спрошу. 'Кем я был?' И сейчас же ответ мне готов 'Родился в Скандинавии в 1561 г., а имя Сергей' /во сне/ (стр. 87).
23. См. напр. переход от совета Шестова Ремизову (во сне) «Помолчи, /.../ такое время, лучше помолчи» (стр. 65) к (наяву) объяснениям Рязановского (стр. 68) о «Иоанне Богослове /.../ с перстом на устах. Этот перст на устах — знак молчания».
24. О ключевом значении памяти в творчестве Ремизова, начиная с 10-х годов и до конца его жизни, здесь не место говорить. Следует лишь отметить, что в *Взв. Руси* память одна из черт, отличающих человека и писателя от «палочек с одной стороны, от обитателей «четвертого круга» с другой».
25. Из многочисленных примеров приведу лишь несколько. Из сказочного: в бреду от крупозного воспаления легких (бред для Ремизова сродни сну, так как в нем также ослаблены причинные и временные связи) «Ночью /.../ прискакала Баба Яга и подменила мне ногу /.../ и вот правая нога у меня не моя — костяная» (стр. 225). Из народной поэзии, былинный ритм «Кабы мне, заплечнику, лет десяток с плеч...» (стр. 311). Из евангелия в народной переработке (о братце, который «как сказку сказывал житие из Пролога о преподобном Нифонте»): «Я не пророк, я не апостол, я — тот петух, который запел, и отрекшийся Петр вспомнил Христа» (стр. 333). К средневековью отсылает в частности плач без заглавия (стр. 180-189), заимствованный из ремизовского «Слова о погибели русской земли».
26. Упоминаются Лермонтов (стихи из «Выхожу один я на дорогу...»: стр. 200-202, 460); Гоголь (стр. 236, 270-271, 374, 379); Достоевский (кроме упомянутых ссылок на *Записки из подполья*: стр. 270-271, в шуточном ключе 397, 472-479); Блок (стр. 255-256, 501-517); Пушкин (стр. 350-351; в шуточном ключе 397).
27. Художник Петров-Водкин, философ Штейнберг, историк Лемке, поэт Сюнерберг-Эрберг, Замятин (епископ обезьяний Замутий), Иванов-Разумник, Блок и др. были арестованы между 13 и 15 февраля 1919 г. по «делу левых эсеров». Последствий для пострадавших не было. См. Р. В. Иванов-Разумник, *Тюрьмы и ссылки*. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953, стр. 40-43; А. А. Блок, *Записные книжки*. Москва, «Художественная литература», 1965, стр. 449-450, и воспоминания А. З. Штейнберга в сборнике *Памяти Александра Блока*. Пг, 1922, стр. 35-53. См. также письмо С. М. Ремизова к А. М. Ремизову от 22 февр. 1919 (Ркп. отдел Пушкинского дома).
28. Я имею в виду не повторения отдельных слов и фраз в одной главе (напр. «... было у всех на устах» в главе «Пряники», стр. 56-57), а мотивы, проходящие по всей книге.
29. «Звероподобные бабы» (дважды, стр. 48-49), «Озверело наге сердце» и «... свинья толпа с пятаками» (стр. 250), «после скотской зимы пришла весна» (стр. 457), «самодовольные свиные хари» (стр. 459), «еще человека, — у которого пробивается струнящийся свинячий хвост» (стр. 460).
30. Сначала игрушечные: «Я купил красного зайца» (стр. 192), затем и настоящие «Проходил медведчик с медведем...» (стр. 198); поросянок в камере (стр. 286 и след.); собака Находка (стр. 383 и след.).
31. К этому же мотиву примыкает тема отходов и нечистот, начинающаяся во сне (стр. 151) и разрастающаяся особенно с рассказа о собаке Находке (стр. 383 и след.) до «апофеоза» в главе «Труддесертир» (стр. 409-434).
32. Стр. 48 «В кучке всяк о своем: кто о знамени, кто о вчерашнем, кто о войне, кто о нашей бескормной тощете»; стр. 106 «Слушаю пение и как-то не верится: все врозь — и не замечают». Стр. 204: «А она совсем с толку сбилась. Говорит уж сама с собой, и не с собой, а с тряпками. 'С людьми, говорит, уже не могу, так с тряпочками!'».

33. См. прим. 33; глава «Молчальник», стр. 77; «держась золотого молчального правила» стр. 83; «великое молчание свободы» стр. 270; «И в молчании лег я спать» стр. 370.

34. Случаев, когда кого-то принимают за кого-то другого, очень много. См. стр. 27 «мандолинщик пленный из Германии»; весь рассказ о «Турке», стр. 78-84; стр. 162 (во сне) «Вы, — говорю, — спутали: это профессор В. А. Алексеев китаец»; стр. 195 «Извините, пожалуйста, вы господин Короленко?».

35. «Обрекая себя на добровольное заточение» (стр. 151); «сiju в заточении» (стр. 151); (во сне) «в каком-то невольном заточении нахожусь я» (стр. 260); «Наш дом каменный мешок . . .» (стр. 269 и 387); «затворенная жизнь» (стр. 368 и 371); «живя, как в плену, как в осаде» (стр. 418) и т.д.

36. «бегут из Петербурга» (стр. 94 и 206); «разбегаются, кто в Москву, кто куда» (стр. 258); «кто говорит 'уезжай отсюда'» (стр. 376); «'добыча' и 'наутек' — первые и самые главные мысли (. . .)» (стр. 417).

37. Стр. 103 «Светит все от крупных звезд и до мельчайшей песчинки»; стр. 184 «молчаливые звезды»; «сестры-звезды» (дважды, стр. 217); рассказ «Звезды» (стр. 449-453) с припевом «Звезды, прекрасные мои звезды»; «К звездам — памяти А. А. Блока» (стр. 501-515).

38. Стр. 43 (во сне) «грозовая туча»; стр. 45 «Будто летел — с волною в грозу»; стр. 160 «А хорошо, когда гроза идет / . . . / Знаю, и самая грозная из грозных — революция / . . . / ничего не изменит, но я также знаю, что без грозы пропад»; стр. 170 «Ночью была гроза настоящая»; стр. 263-265 лейт-мотив «молния — кормчий».

39. Стр. 43 (во сне) «Потушите огонь!»; стр. 45 «Окружный горит и Комендантское / . . . / Предварилка горит! / . . . / горели черные гнезда: суд, война и неволя»; стр. 181-182 «Ты горишь — запылала Русь!»; стр. 210 и след., рассказ о болезни (под заглавием «Огневица» в книге «Огненная Россия»), см. напр. стр. 213 «Лежу в огню, горю»; стр. 263 «О судьбе огненной»; стр. 311 «запылал пожар в Ярославле»; стр. 472 «Огненная Россия — памяти Достоевского».

40. Стр. 178 «На Иване великом звонили второй звон — века выговаривали на колоколах»; стр. 470 «Слышу, звонит колокол в Казанском»; стр. 476 (в цитате из Достоевского) «И вдруг ударил колокол — густой тяжелый колокольный звон»; стр. 520 «мохнатые черные лапы ухватятся за колокол / . . . / и живой стеной под перезвон поплывут хоругви / . . . / лучевой надземницей красный звон» (последняя фраза повторена на стр. 521).

41. См. цитаты в прим. 38 и 39.

42. *Крашенные рыла*, Берлин, «Грани», 1922, стр. 9-18.

43. Д. С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, изд. 2-ое, Ленинград, «Художественная литература», 1971, стр. 349 (о романах Достоевского).

44. *Взв. Русь*, стр. 524, последние слова.